

Сириус сегодня был сам не свой.

И дело было вовсе не в том, что его кто-то разозлил.

Просто на душе скребли кошки, тянуло необъяснимой, удушливой тоской. Словно лондонские грозовые тучи нависли слишком низко, не давая вздохнуть полной грудью.

Днем в кухне дома Поттеров появился Кикимер.

Домовой эльф сгорбился, огромные уши повисли, а мутные глаза уставились на пол. Сириус наблюдал эту картину уже больше десятка лет, и каждый раз всё повторялось в точности.

За внешней раболепной покорностью пряталось презрение, острое похлеще любого проклятия.

— Хозяйка велела Кикимеру передать слова, — его хриплый голос напоминал шуршание наждачной бумаги по железу.

Сириус терпеть не мог этот голос, в нем не было и сотую доли той красоты, что несли в себе звуки рок-музыки. Впрочем, нет, сравнивать их было просто бессмысленно.

Рок не сверлил дыры у него в ушах, не высекал слова в голове, не повторял его имя из раза в раз с этой надрывной ноткой: ты мне должен.

Сириус прислонился к раковине, держа в руке наполовину полную чашку кофе, и даже не взглянул на эльфа.

Кикимер на мгновение замолк, его губы шевельнулись. Ему отчаянно не хотелось произносить ни звука, словно в горле застряла сотня проклятий — каждое сулило Сириусу беды, кляло его на чем свет стоит и поминало предательство.

А затем последовал бы нескончаемый поток похвал в адрес его любимого господина Регулуса.

Этот контраст был умышленным, выверенным до мелочей уроками Вальбурги. Каждое слово разило, как обоюдоострый меч: с одной стороны — режет тебя, с другой — напоминает, что лезвие там куда острее.

Но в конце концов эльф лишь холодно процедил:

— Хозяйка говорит, старшему сыну рода Блэк пора возвращаться домой.

Сириус промолчал.

Кикимер постоял еще немного, словно выполняя противную, но неизбежную поруку. Его пальцы нервно переплелись, костяшки побелели.

Он заговорил тихим, бормочущим тоном, больше похожим на разговор с самим собой:

— Кикимер только передает слова. Кикимер знает, что молодой господин не станет слушать. Молодой господин никогда не слушает хозяйку. Молодой господин предпочитает водиться со всякими грязнокровками и оборотнями...

Само словосочетание молодой господин прозвучало из его уст так, будто эльф надкусил гнилое яблоко.

— Проваливай.

Кикимер не заставил себя ждать. Раздался громкий хлопок, и он растворился прямо на глазах у Сириуса.

Словно не мог дожждаться.

Словно давным-давно ждал этого приказа, словно это было не оскорбление, а долгожданное освобождение, словно каждая секунда, проведенная на этой кухне, оскверняла сам дом Блэков.

Ха, проклятый Кикимер! Только в такие моменты его покорность доводила до белого каления!

На кухне воцарилась тишина. Сириус так и стоял на месте, а кофе в чашке давно остыл.

Он поднял взгляд на окно: погода в Лондоне в последнее время выдавалась пасмурной, хмурой и пропитывала воздух удушливой сыростью.

Он знал, что Кикимер вернется еще не раз.

Вальбурга не остановится, да и Кикимер тоже.

Не из преданности ему самому, а из верности тем идеалам, которые он предал.

Сириус закрыл глаза и глубоко вдохнул.

Ледяной ветер со свистом ворвался в оконную щель, выгоняя затхлый дух особняка Блэков, который эльф принес с собой и от которого выворачивало наизнанку. Напряжение в груди немного отпустило, стало чуть легче дышать.

Ближе к вечеру Сириус спустился со второго этажа, сменив куртку на свежую.

Джеймс возился с новенькой моделью летающей метлы.

Он заказал ее месяц назад, увидев рекламу в Ежедневном пророке, и ждал целых четыре недели — посылка прибыла только сегодняшним утром.

Распаковывая ее, он пустил в ход канцелярский нож, пару раз взмахнул палочкой с заклинанием «Призываю» и выругался местечковым магловским ругательством, происхождение которого сам едва ли помнил.

Моделька оказалась крошечной, размером с ладонь, но выполненной с невероятной детализацией: метелка в форме подковы, гладкое деревянное топорище, а каждый прутик на хвосте аккуратно подстрижен.

Джеймс водил пальцами по игрушке, будто прикасаясь к какому-то величайшему сокровищу.

— Куда собрался?

— ...Проветриться.

Джеймс тут же поднял голову и бросил на Сириуса короткий взгляд. Выражение лица друга казалось совершенно обычным, но именно эта показная обычность и выдавала неладное.

— Ладно. — Джеймс отбросил модель в сторону, вскочил с дивана и крикнул: — Подожди, я обуюсь!

Сириус уже вышел за порог и вовсе не собирался его ждать. Его губы чуть шевельнулись:

— Не нужно.

Это не был отказ. Это значило лишь то, что конкретно сегодня — не нужно.

Между этими двумя словами затаилась пауза длиной в один вдох — словно человек выводит на бумаге иероглиф, на середине останавливается, а затем дописывает до конца.

В этой паузе уместилось всё то невысказанное: я не хочу ничего объяснять, но ты и сам всё понимаешь.

Джеймс замер с развязанным шнурком в руке.

Он так и присел на корточки: одной рукой придерживал шнурок, а другую упер в колено.

Их взаимопонимание не нуждалось в лишних словах.

Не став ничего объяснять, Сириус распахнул дверь и шагнул в темноту, не оборачиваясь.

— Ешьте без меня, не ждите.

Джеймс поднялся на ноги и отбросил ботинок в сторону.

Он снова опустился на диван и взял в руки модель метлы.

— Шел бы прямо к ней так и сказал, — пробормотал он себе под нос с лукавой улыбкой в уголках рта. — Проветриться он собрался... Куда это? Наверное, пройти прямо, повернуть направо, а потом снова прямо — как раз напротив той приторно-сладкой пончиковой располагается клуб, кто его знает.

Он полистал журнал еще пару страниц.

Яркая реклама метел пестрела со всех разворотов, крича: купи меня, купи меня, купи меня! Но его взгляд не зацепился ни за единое слово.

Ишь ты, ешьте без меня, не ждите.

Он нарочито насупился, пародируя голос Сириуса — не холодный, а глухой.

Именно такой глухой тональности, когда всем видом показываешь: говорить не хочу, но ты и сам всё знаешь.

Джеймс в одиночестве на диване фыркнул, высмеивая лучшего друга, и, закинув ногу на ногу, качнул ею.

Да ладно.

Пусть идет.

Сириус шел быстрым шагом, словно стремительный поток воздуха, обволакивающий тело при ходьбе, мог принести ему хоть какое-то успокоение.

К клубу он прибыл слишком рано.

Сириус замер на пороге, засунув руки в карманы, ссутулившись, а пряди волос падали прямо на лоб.

Фонари еще не зажглись, вечернее небо давило сверху, спрессовывая его тень в крошечное пятнышко под ногами.

В голове крутились образы: спина Кикимера, тяжелые портьеры старого особняка Блэков, стены с выбитым фамильным гербом, пронзительный визг Вальбурги и взгляд Регулуса — вроде бы мягкий и даже умоляющий, отчего становилось почему-то только злее. Всё то, о чем ему отчаянно не хотелось вспоминать.

Пока до его слуха не донеслись шаги — за последнее время он научился безошибочно узнавать их среди прочих. Она даже ходила так, будто выстукивала мелодию.

День клонился к закату, все краски меркли, и лишь ее волосы продолжали пылать.

На плечах висел чехол с красной бас-гитарой — шире ее плеч, длиннее талии. Он казался живым существом, притаившимся на спине и готовым в любой момент проснуться.

Она шагнула ему навстречу из сумерек и вопросительно склонила голову набок.

Сегодня у нее не было выступления.

Но гитару она все равно захватила.

— Давно ждешь?

— Только что пришел.

Произнеся это, он заметил, что голос слегка охрип.

Кролла окинула его оценивающим взглядом, кивнула и ничего не сказала.

Они вошли внутрь.

Выступление вот-вот должно было начаться, свет в зале погас. Вокруг царил полумрак, и лишь слабый ореол света над сценой смутно вырисовывал силуэты людей в толпе.

Она повернула голову и посмотрела на Сириуса.

Сегодня он не стал тщательно укладывать свои черные волосы. Обычно его прическа разительно отличалась от вечно взъерошенной шевелюры того парня, а волосы всегда выглядели ухоженными и аккуратными.

Внешне он ничем не отличался от обычного себя — статный, привлекательный, с легким налетом небрежности и отстраненности, не подпускающей никого близко.

Но Кролла заметила, как побелели костяшки его сжатых в кулаки пальцев, а на тыльной стороне рук проступили едва заметные вены.

Странное дело — в этот момент в ее голове промелькнула лишь одна мысль: с какой же силой он сжимает кулаки, должно быть, ногтями до крови впился в ладони.

Музыканты на сцене настраивали инструменты, и в воздухе висели обрывки ненастроенных мелодий.

Она не стала спрашивать: что случилось?

Не стала совать нос с этим дежурным: ты в порядке?

Подобные вопросы порой тяжелее молчания — они давят на плечи не хуже чужой руки, которая, как тебе кажется, пытается утешить, а на деле лишь вжимает в землю.

Она просто вытащила руку из кармана и опустила ее вдоль тела.

Всего в каких-то сантиметрах от его крепко сжатого кулака.

— Послушай, — произнесла она.

Сириус повернул к ней лицо.

Кролла смотрела прямо на сцену, ее губы чуть приоткрылись, ресницы замерли. Вся она походила на прислушивающегося к звукам кота.

Последовав ее примеру, он успокоил дыхание и вслушался в шум.

Среди назойливых звуков прочих инструментов выделялся один, совершенно особый:

Бас-гитарист настраивал струны — глухо, низко, с медленной, пульсирующей вибрацией, напоминавшей... биение сердца.

— Этот бас ищет ритм, — тихо произнесла она. — Прислушайся: он перебирает три ноты, но вторая вечно звучит фальшиво.

Он ничего не ответил.

Но пальцы его разомкнулись.

Кулак медленно разжался, побелевшие костяшки порозовели, а на ладонях остались четыре бледных полумесяца от ногтей, отливающие нежно-розовым.

<http://bllate.org/book/22381/2348032>